

Информация для цитирования:

Ловцов В. А. Провинциальная административная элита и Государственная Дума : карьерные и родственные связи (1907—1912 годы) / В. А. Ловцов, С. К. Лямин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 430—445. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-430-445.

Lovtsov, V. A., Lyamin, S. K. (2024). Provincial Administrative Elite and State Duma: Career and Kinship Connections (1907-1912). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 430-445. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-430-445. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Провинциальная административная элита и Государственная Дума: карьерные и родственные связи (1907—1912 годы)

Ловцов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-6819-6554

кандидат исторических наук,

старший преподаватель

кафедры истории и философии,

корреспондирующий автор

vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Лямин Сергей Константинович

orcid.org/0000-0001-5357-8517

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории и философии

laomin@mail.ru

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00698 «Кадровая политика министерства внутренних дел Российской империи в отношении губернаторов и вице-губернаторов Европейской России во второй половине XIX — начале XX веков»

Provincial Administrative Elite and State Duma: Career and Kinship Connections (1907-1912)

Vladimir A. Lovtsov

orcid.org/0000-0001-6819-6554

PhD in History, Senior Lecturer,

Department of History and Philosophy,

Corresponding Author

vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Sergey K. Lyamin

orcid.org/0000-0001-5357-8517

PhD in History, Associate Professor,

Department of History and Philosophy

laomin@mail.ru

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00698 “Personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire towards governors and vice-governors of European Russia in the second half XIX — early XX centuries”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В центре внимания авторов статьи — общественно-политическая жизнь в период работы II, III и IV Государственных Дум, а именно — карьерные и родственные связи «стольпинской администрации» и депутатского корпуса. Хронологическими рамками исследования стал период с 26 апреля 1906 года по 5 сентября 1911 года, когда должность министра МВД занимал П. А. Столыпин. Также рассмотрен период с избрания II Думы 20 февраля 1907 года до избрания IV Думы 15 ноября 1912 года, чтобы зафиксировать среди депутатов бывших или будущих губернаторов или вице-губернаторов эпохи П. А. Столыпина. Географические рамки исследования — губернии Европейской России. Авторы ставили целью провести анализ взаимосвязи между бюрократической и политической элитами в эпоху П. А. Столыпина. В статье проанализированы служебные биографии и фракционная принадлежность стольпинских администраторов, карьерно связанных с Думой, выявлены родственные связи губернаторского корпуса с думскими депутатами. Авторы пришли к выводу, что провинциальные администраторы преимущественно были связаны с Союзом 17 октября и правыми и в большинстве случаев не стремились продолжить карьеру в качестве парламентариев. Как правило, это были общественные деятели, до начала службы в провинциальной администрации занимавшие должности в земстве и дворянском самоуправлении.

Ключевые слова:

история России; Государственная Дума; аппарат управления; губернаторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the socio-political life during the terms of the II, III, and IV State Dumas, specifically examining the career and kinship connections within the “Stolypin administration” and the deputy corps. The study covers the period from April 26, 1906, to September 5, 1911, when P. A. Stolypin held the position of Minister of Internal Affairs. It also explores the period from the election of the II Duma on February 20, 1907, to the election of the IV Duma on November 15, 1912, to identify former or future governors or vice-governors among the deputies of the Stolypin era. The geographical scope of the study includes the provinces of European Russia. The authors aim to analyze the relationship between bureaucratic and political elites during the Stolypin era. The article examines the career biographies and factional affiliations of Stolypin administrators connected to the Duma, as well as the kinship ties between the governor corps and Duma deputies. The authors conclude that provincial administrators were predominantly associated with the Union of October 17 and right-wing factions, with most not seeking to pursue parliamentary careers. Typically, these were public figures who had previously held positions in local government and nobility self-government before serving in provincial administration.

Key words:

Russian history; State Duma; administrative apparatus; governors.

УДК 94(47).083:316.477

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-430-445

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Провинциальная административная элита и Государственная Дума: карьерные и родственные связи (1907—1912 годы)

© Ловцов В. А., Лямин С. К., 2024

1. Введение = Introduction

Начало XX века стало переломным этапом в развитии Российской империи. Главным событием этой эпохи стало учреждение Государственной Думы, знаменовавшее собой новую страницу в развитии государства. Депутаты Государственной Думы стали новой, политической элитой, которая очень быстро включилась в борьбу за властные полномочия со старой, бюрократической элитой. Спустя всего несколько лет после учреждения Думы два депутата — А. Н. Хвостов и А. Д. Протопопов — стали министрами внутренних дел, а В. А. Маклаков, брат министра Н. А. Маклакова, был одним из влиятельных членов кадетской партии и депутатом Думы трех созывов.

Наиболее заметный след во внутренней политике Российской империи оставил министр П. А. Столыпин, отличавшийся стремлением взаимодействовать с Думой. В его министерство в губернаторском корпусе, группе бюрократической элиты, многое стало связано с публичной политикой. Поэтому важным является вопросом о том, насколько старая бюрократическая и зарождающаяся политическая элита были интегрированы друг в друга и были настроены на взаимодействие в данный период.

Взаимоотношения политической и бюрократической элит уже становились предметом самостоятельных исследований. С. В. Куликов проанализировал доминирование в среде бюрократии не радикальных правых, а либеральных центристских взглядов, а также конфликт двух течений правительственного либерализма в начале XX века. Его левое крыло составляли «парламентаристы», они выступали за введение ответственного парламента и ограничение самодержавия и соотносились с идеологической платформой кадетов, прогрессистов и левых октябристов. Право крыло поддерживало идею конституционно-дуалистической монархии («дуалисты»), в которой самодержавие было ограничено парламентом только в области законодательства. Подобные взгляды соотносились со взглядами

правых октябристов, националистов и умеренно-правых [Куликов, 2004, с. 16—18].

По мнению К. А. Соловьева, четкой границы между бюрократами и общественными деятелями не существовало [Соловьев, 2020, с. 25], то есть проходивший через Думу диалог между деятелями земского самоуправления и чиновниками был значим для обеих групп для развития России [Соловьев, 2015, с. 116]. П. А. Столыпин, несмотря на сложности в проведении законопроектов через Думу, был сторонником продолжения развития нового государственного строя, так как он способствовал институционализации диалога между властью и обществом [Соловьев, 2012, с. 65]. По мнению В. В. Шелохаева, идеей П. А. Столыпина было осуществление гражданских прав и свобод через систему выборного начала [Шелохаев, 2012, с. 25], а кроме того, он использовал Думу как способ презентовать законопроекты обществу и легитимизировать их через парламент [Шелохаев, 2012, с. 35.]. А. А. Иванов отметил, что П. А. Столыпин оказывал поддержку партии русских националистов, которые являлись более уважаемой политической структурой, чем черносотенцы [Иванов, 2021, с. 297]. В свою очередь, именно националисты и родственные им политические структуры открыто заявляли о себе как о сторонниках политики П. А. Столыпина [Иванов, 2022, с. 896]. А. Н. Егоров отметил, что высшая администрация думского периода видела в партии кадетов основных противников бюрократии, что исключало возможность компромисса между думской и политической элитами [Егоров, 2020]. С. И. Корниенко и И. К. Кирьянов обнаружили влияние фактора профессиональной, в том числе чиновничьей деятельности на формирование депутатского корпуса — однако при распределении по фракционному и партийному признаку такого рода связи не носили устойчивого характера [Корниенко и др., 2013]. О. В. Белоусова пришла к выводу, что родственные связи действительно являлись фактором взаимоотношений внутри групп властных элит, но при этом однозначно установить их роль и значение невозможно [Белоусова, 2022]. Д. И. Раскин отметил, что в начале XX века несколько министров получили назначения не по итогам предшествующего административного опыта, а из-за своего депутатского статуса, что могло свидетельствовать об эволюции монархии в сторону парламентаризма [Раскин, 2021].

Социокультурные характеристики губернаторского корпуса, в том числе аспекты, связанные с общественной деятельностью, рассмотрены в работе Р. Роббинса [Robbins, 1987]. Взаимосвязь карьерной динамики и политических связей провинциальных администраторов проанализировали Г. Гокмен и Д. Кофанов [Gokmen et al., 2020].

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Для анализа оценок собственной парламентской карьеры были использованы мемуары А. А. Ознобишина [Ознобишин, 1927] и Л. А. Зиновьева [Зиновьев, 2017]. Оценки депутатов, связанных со «стольпинской администрацией», также были выявлены в воспоминаниях В. И. Гурко [Гурко, 2000], П. Г. Курлова [Курлов, 1991] В. А. Оболенского [Оболенский, 1984] и М. М. Осоргина [Осоргин, 2009].

Анализ личных дел думских депутатов был произведен по материалам, хранящимся в Ф. 1278 (Государственная дума I, II, III и IV созывов) Российского государственного исторического архива [РГИА, ф. 1278].

Для анализа формулярных списков и личных дел чиновников были использованы материалы Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета) [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202; РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 308], Ф. 1284 (Департамент Общих дел МВД) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153; РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1906 г., д. 77; РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1911 г., д. 142], Ф. 1405 (Министерство юстиции) [РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 220] Российского государственного исторического архива.

Для получения дополнительной информации о депутатах, имевших связи со «стольпинской администрацией», была использована справочная литература [ЧГД Второй созыв, 1907; ЧГД Третий созыв, 1913; ЧГД Четвертый созыв, 1913].

Для анализа персонального состава административной элиты эпохи П. А. Столыпина был применен просопографический метод, в рамках которого были исследованы карьерные траектории чиновников и их связи с Думой. Помимо этого, просопографический анализ позволил выявить наиболее распространенные типы фракционности среди депутатов, связанных с провинциальной администрацией. Данные о служебных биографиях чиновников были формализованы в просопографической базе данных «Губернаторы и вице-губернаторы Европейской России 1864—1914 годов». Для ее создания были использованы формулярные списки и личные дела чиновников, а также справочные материалы.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Губернаторы и вице-губернаторы — думские депутаты

С учетом хронологических и географических рамок было установлено 162 губернатора и вице-губернатора, относившихся к «стольпинской администрации», информация о которых была формализована в базе данных «Губернаторы и вице-губернаторы Европейской России 1864—1914 годов». Только для 6 чиновников удалось установить наличие парламентского статуса.

А. А. Ознобишин был избран в IV Думу от Гродненской губернии. В качестве партийной принадлежности в личном деле было указано «националист» [РГИА, ф. 1274, оп. 9, д. 573, л. 2]. В мемуарах А. А. Ознобишин указал на равнозначность подобного обозначения «умеренно правым» [Ознобишин, 1927, с. 196]. До избрания в 1900 году гродненским уездным предводителем дворянства служил на различных должностях по министерству юстиции, пока в 1905 году не оставил дворянское самоуправление и занял должность гродненского вице-губернатора (1905—1906). А. А. Ознобишин считал думское избрание продолжением своей общественной службы в качестве предводителя дворянства [Ознобишин, 1927, с. 195].

В мемуарах А. А. Ознобишин оставил негативную оценку деятельности Думы I и II созывов, указывая на их антиправительственные действия и подстрекательство к бунту, проявлением чего стало Выборгское воззвание [Ознобишин, 1927, с. 191—192].

Еще одним депутатом, тоже «националистом» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 874, л. 3], дебютировавшим в IV Думе в этом статусе, стал избранный от Киевской губернии **Н. Н. Чихачев**. Он несколько лет служил гласным тамбовского земства, затем правителем канцелярии эстляндского губернатора, с 1891 года занимал должность непременного члена Таврического губернского присутствия. С 1906 по 1910 годы Н. Н. Чихачев был киевским вице-губернатором [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 130], а к моменту думского избрания был киевским уездным предводителем дворянства.

Кадет В. А. Оболенский наблюдал за изменениями, происходящими с карьерой Н. Н. Чихачева после создания Думы. В должности члена присутствия «он был правой рукой всех сменявшихся губернаторов и таким образом в течение нескольких лет почти управлял Таврической губернией. Умел со всеми ладить, но, само собой разумеется, имел репутацию вполне благонамеренного чиновника» [Оболенский, 1984, с. 317]. Внезапно Н. Н. Чихачев записался в партию «Народной свободы» и на партийном собрании начал высказывать радикальные идеи, в частности, настаивал на национализации земли.

Из-за своей политической радикализации ему пришлось покинуть Таврическую губернию. При помощи своего бывшего начальника В. Ф. Трепова Н. Н. Чихачев получил должность киевского вице-губернатора: «К этому времени правительство укрепилось и решительно приняло реакционный курс. Чихачев, делая карьеру, плыл по течению. Но его тянуло к большой политической карьере, которую он так неудачно начал в Симферополе в 1906 году» [Оболенский, 1984, с. 318]. В связи с этим Н. Н. Чихачев перешел в правый лагерь, что в итоге помогло ему избраться.

Колебания Н. Н. Чихачева относительно противоположных полюсов политического спектра выдавали карьеризм, а не устойчивые политические взгляды. Таким образом, карьеристы действительно видели в Думе перспективы дальнейшего служебного продвижения.

Наиболее ярким проявлением чиновника, проложившего себе путь к вершинам власти через Думу, стал **А. Н. Хвостов**. В первой трети карьеры А. Н. Хвостов служил по министерству юстиции, дослужившись до товарища прокурора Тверского и Московского окружных судов. Затем он перешел на службу в МВД, занимая должности минского (1904) и тульского вице-губернатора (1904—1906) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1910 г., д. 177, л. 88 об.-89.], вологодского (1906—1910) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1910 г., д. 177, л. 89 об.-90] и нижегородского (1910—1912) губернатора. Таким образом, служебная биография А. Н. Хвостова является редким для губернаторского корпуса случаем перехода классического бюрократа, занимавшего высокий административный пост, на общественно-политическую должность.

Тульский губернатор М. М. Осоргин из знакомства с А. Н. Хвостовым выяснил, что тот считал себя либералом: «К сожалению, я только потом узнал, что у Хвостова никаких политических принципов не было, кроме личной карьеры, почему он обыкновенно держался одной линии — держаться противных взглядов со своим принципалом» [Осоргин, 2009, с. 692]. После отставки М. М. Осоргина с должности тульского губернатора тот отмечал, что А. Н. Хвостов к этому времени уже был «слишком ярко правый, правел ежедневно, чтобы остаться вне борьбы партий» [Осоргин, 2009, с. 752].

А. Н. Хвостов был избран от Орловской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле IV Думы отмечено: «к правым» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 848, л. 2]. И уже в качестве думского депутата, а не губернатора он был назначен министром внутренних дел 26 сентября 1915 года.

Таким образом, парламентский статус действительно позволял выдвигаться на руководящие должности в министерствах Российской империи.

Существовали и обратные примеры взаимосвязи бюрократической и политической элит, когда депутаты отказывались от парламентского статуса и переходили на административную службу.

С. А. Шидловский был избран во II созыв Думы, в личном деле партийной принадлежности отмечена так: «примыкаю к партии Союзу 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 495, л. 2]. С. А. Шидловский служил земским начальником в Самарской губернии, затем Сенненским уездным предводителем дворянства и непременным членом Могилевского по крестьянским делам присутствия [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 183]. С. А. Шидловский отказался от думского статуса в пользу карьеры адми-

нистратора, занимая посты вице-губернатора Могилевской (1907—1912), Воронежской (1912—1914) и Эстляндской (1914—1917) губерний.

Н. Н. Лавриновский был избран в III Думу от Псковской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле указано «правый прогрессист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 416, л. 1 об.]. Вершиной карьеры Н. Н. Лавриновского до получения парламентского статуса стало избрание Псковским уездным предводителем дворянства [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 262]. В 1911 году он перешел на службу в МВД, а затем занимал несколько постов в провинциальной администрации: вице-губернатор Воронежской (1911—1912) и Могилевской (1912—1914) губерний, губернатора Таврической (1913—1914), Черниговской (1915—1916) и Лифляндской (1916—1917) губерний.

Помимо «националистов» и «правых», администраторы избирались и как представители прогрессивных политических течений.

А. А. Лодыженский продолжительное время служил предводителем дворянства Зубцовского уезда, затем занимал должность неперменного члена Тверского губернского присутствия. Был рязанским (1893—1902) и вологодским (1902—1906) губернатором. Вышел в отставку по собственному прошению в связи с расстроенным здоровьем [РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1906 г., д. 77, л. 34], закончив административную карьеру.

А. А. Лодыженский, избиравшийся от Тверской губернии, в III созыве имел статус беспартийного, примыкающего к «Союзу 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 445, л. 1 об.], в личном деле IV думы [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 446] партийная принадлежность не была указана, но в думском сборнике отмечен как октябрист [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 346]. В. И. Гурко, избиравшийся в IV Думу вместе с А. А. Лодыженским от Тверской губернии, характеризовал его как «левого октябриста, близкого к кадетам» [Гурко, 2000, с. 625].

3.2. Родственные связи

Помимо чиновников, имевших личный парламентский статус, часть провинциальных администраторов была связана с депутатами родственными связями. Наиболее интересен для анализа круг ближайших родственников — отцов и братьев, так как именно эти связи являются наиболее близкими и могут помочь выявить семейность политических взглядов и участие в одних политических структурах. Были выявлены 7 таких связей: одна для отца и шесть для братьев.

Л. А. Зиновьев был сыном санкт-петербургского губернатора А. Д. Зиновьева (1903—1911).

В конце января 1905 года Л. А. Зиновьев был избран петергофским уездным предводителем дворянства [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 295]. Он

понимал, что решающее значение в избрании сыграло следующее: «... до меня четыре поколения Зиновьевых были петергофскими предводителями»; <я был избран> «ввиду заслуг перед дворянством моего отца и его репутации» [Зиновьев, 2017, с. 91]. Л. А. Зиновьев был избран в IV созыв Думы от Санкт-Петербургской губернии, в личном деле в качестве принадлежности к партии указано «октябрист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 293, л. 2].

Его отец, А. Д. Зиновьев, был избран предводителем дворянства того же уезда 22 января 1897 года; на следующий день, в связи с переводом А. А. Бобринского в Сенат, был избран предводителем дворянства Санкт-Петербургской губернии [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202, л. 82 об.–83], а 6 июня 1903 года был назначен санкт-петербургским губернатором [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202, л. 88 об.–89]. Как отмечал Л. А. Зиновьев, его отец по образу жизни и семейным связям принадлежал к консерваторам [Зиновьев, 2017, с. 31]. Однако правым он был только в теории. Имея долгий опыт службы на общественных должностях, «на деле был гораздо более либеральным, чем на словах» [Зиновьев, 2017, с. 32], и, будучи губернатором, был уважаем в общественных учреждениях, так как умел с ними сотрудничать.

Л. А. Зиновьев отмечал, что многие рассматривали должность предводителя дворянства как ступень для губернаторского назначения [Зиновьев, 2017, с. 94], поэтому и для него самого подобный шаг был бы вполне логичен, однако он решил продолжить службу в качестве думского депутата. Л. А. Зиновьев видел в парламентской работе продолжение общественной службы в качестве предводителя дворянства, только в более широких масштабах. Однако результаты своей деятельности он считал неудовлетворительными и оценивал процесс думской работы как бюрократический. Его тяготили необходимость соблюдения партийной дисциплины на голосованиях и рассмотрение вопросов, не имеющих практического значения: «Я был очень доволен, когда меня выбрали в Думу, и ожидал от работы в ней большего интереса и завлекательности, чем на самом деле она мне принесла» [Зиновьев, 2017, с. 209].

Помимо Л. А. Зиновьева, к октябристам принадлежал **В. А. Бантыш**.

В. А. Бантыш был избран от Харьковской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле III Думы указан «Союз 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 48, л. 1 об.]. Прошлая служба В. А. Бантыша складывалась на общественных должностях. Он был избран изюмским уездным предводителем дворянства, а до этого — членом Екатеринославской губернской земской управы и председателем Изюмской уездной земской управы [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 364].

Его брат, Ф. А. Бантыш, служил костромским вице-губернатором (1906—1908), затем херсонским (1908—1911) и иркутским (1911—1913)

губернатором. Ранее он служил земским начальником и бахмутским уездным предводителем дворянства. Из доклада помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферова от 2 декабря 1910 года, копия которого находится в личном деле Ф. А. Бантыша, следовало, что сразу после вступления в управление Херсонской губернией пошатнулось положение уездного предводителя дворянства С. Т. Варун-Секрета и председателя елизаветградской уездной земской управы Г. В. Викторова, «товарищей покойного губернатора Малаева по елизаветградскому дворянству и землевладению» [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153, л. 171]. Таким образом, Ф. А. Бантыш с момента вступления в должность открыл кампанию против двух сопартийцев своего брата, занимавших заметные должности в местном самоуправлении. Подобная тактика была характерна для представителей части столыпинской администрации, так как чиновники уровня губернатора не позволяли себе оставить бюрократическую службу ради парламентского статуса, но в целом разделяли идеи правых партий: «Вместе с тем новый губернатор открыто стал на сторону крайней правой партии, проводя политику бывшей костромской администрации, в которой камер-юнкер Бантыш участвовал в качестве костромского вице-губернатора» [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153, л. 171].

В Костроме Ф. А. Бантыш служил при губернаторе А. П. Веретенникове (1906—1910), которого П. А. Столыпин посчитал необходимым заменить на должности киевского губернатора, так как «генерал Веретенников открыто встал во главе правых партий, превратился в партийного человека» [Журлов, 1991, с. 74], что вело к конфликтам внутри губернской администрации. А. П. Веретенников был переведен на должность костромского губернатора, продолжив свою политику, и вице-губернатором при нем стал Ф. А. Бантыш, а после его перевода в Херсон его место занял А. Н. Оболенский (1908—1910), тоже не скрывавший своих правых взглядов.

Наиболее левым из родственников столыпинских администраторов стал **В. А. Маклаков**, брат черниговского губернатора Н. А. Маклакова (1909—1912) [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 308, л. 61 об.–62], ставшего министром внутренних дел.

В. А. Маклаков, избиравшийся от г. Москвы, в личном деле II Думы записан как принадлежащий к партии «Народной свободы» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 257, л. 1 об.], такая же запись сделана в личном деле для III Думы [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 469, л. 1 об.], для IV Думы был записан как «кадет» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 470, л. 2]. В. А. Оболенский относил В. А. Маклакова к числу правых кадетов [Оболенский, 1984, с. 439]. Л. А. Зиновьев указывал на В. А. Маклакова как на лучшего оратора III и IV дум [Зиновьев, 2017, с. 148].

В. А. Маклаков занимал должность присяжного-поверенного при Московской судебной палате и был адвокатом по многим громким делам того времени. Биография данного депутата выбивается из всех остальных рассмотренных случаев, поэтому он являлся полной противоположностью как с точки зрения политических взглядов, так и предшествующей карьеры.

Брат В. А. Маклакова, Н. А. Маклаков, был принципиальным противником Думы, выступая за упразднение этого органа государственной власти [Зиновьев, 2017, с. 206], в отличие от П. А. Столыпина, умевшего взаимодействовать с парламентом.

Правый лагерь был широко представлен среди родственников столыпинских администраторов.

А. П. Урусов, брат Н. П. Урусова, владимирского вице-губернатора (1894—1901), гродненского (1901—1902) и полтавского (1902—1906) губернатора [РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 220, л. 4 об.–8], избирался от Тульской губернии. До того, как стать депутатом, служил в общественных учреждениях сразу двух губерний. В Симбирской губернии он был избран предводителем дворянства Сенгилеевского уезда, гласным Сенгилеевского уездного и Симбирского губернского земств, председателем Сенгилеевской уездной земской управы [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 361]. Затем в Тульской губернии служил гласным Чернского уездного и Тульского губернского земств, земским начальником Чернского уезда. В личном деле II Думы в качестве партийной принадлежности значилось «правый» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 448, л. 2], в III Думе — «к фракции правых» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 819, л. 1 об.], а в справочнике этого же созыва — «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 352]. В личном деле IV Думы нет указания на партийную принадлежность [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 820], в справочнике значился как «правый» [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 353].

С. И. Келеповский был братом А. И. Келеповского, который занимал должности владимирского (1906—1909) и лифляндского (1909—1912) вице-губернатора, люблинского (1912—1914), лифляндского (1914—1916), псковского (1916) и харьковского (1916—1917) губернатора.

С. И. Келеповский избирался гласным елизаветградского уездного и херсонского губернского земств, имея, таким образом, весьма небогатый опыт служебной деятельности до своего избрания в Думу от Херсонской губернии. В качестве партийной принадлежности в личном деле II Думы указано «монархист» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 190, л. 3], в III Думе — «правый монархист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 340, л. 1 об.]. В думских справочниках партийная принадлежность несколько отличалась, для II думы это — «правый» [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 388], для

III думы — «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 379]. Не имея характеризующей его предшествующей служебной деятельности, в Думе С. И. Келеповский приобрел репутацию одного из главных думских скандалистов и провокаторов.

Д. Н. Чихачев был братом Н. Н. Чихачева, чья связь с провинциальной администрацией уже была рассмотрена.

Д. Н. Чихачев служил могилевским уездным предводителем дворянства, был председателем Подольского сельскохозяйственного общества [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 248]. Был избран в Думу от Подольской губернии. В личном деле III Думы указана партийная принадлежность «беспартийный» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 872, л. 1 об.], однако в справочнике он отмечен как «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 248]. В IV Думе указано «националист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 873, л. 3].

П. В. Новицкий был братом В. В. Новицкого, служившего таврическим губернатором (1906—1911) [РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1911 г., д. 142, 5 об.—6].

П. В. Новицкий служил земским начальником Ананьевского уезда, гласным Ананьевского земского уездного собрания и Херсонского губернского земского собрания, ананьевским уездным предводителем дворянства [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 382]. Был избран от Херсонской губернии в III Думу, в личном деле отмечен как «примык. к правым» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 568, л. 1 об.], и в IV Думу, где указано — «к правой партии» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 569. л. 2].

Губернатор В. В. Новицкий, «человек совершенно беспринципный и беззастенчивый карьерист», как характеризовал его В. А. Оболенский [Оболенский, 1984, с. 308], принадлежали к правому политическому лагерю. Будучи таврическим губернатором, В. В. Новицкий уверял В. А. Оболенского, только избравшегося в I Думу от этой же губернии, что разделял политическую программу партии «Народной свободы», и его смущало лишь слишком радикальное решение земельного вопроса: «Не прошло, однако, и года после нашего разговора, и на красном лацкане его губернаторской тужурки появился значок Союза Русского Народа, программу которого он тоже “вполне разделял”, оказывая ему всевозможное содействие» [Оболенский, 1984, с. 332].

С учетом личных карьерных траекторий чиновников и родственных связей с представителями столяпинской администрации установлено следующее количество связей с Думой: во II Думе присутствовали 1 кадет, 1 октябрист и 2 правых; в III Думе — 1 кадет, 2 октябриста, 1 националист и 4 правых; в IV Думе — 1 кадет, 2 октябриста, 3 националиста и 3 правых.

Подобный результат подтвердил близость политических взглядов провинциальной административной элиты к тем думским фракциям, на которые опирался П. А. Столыпин, — октябристам и националистам. Помимо этого, отмечена прочная связь с правым политическим спектром: общий консервативный настрой правых мог импонировать бюрократам, не желавшим радикальных изменений в административной системе Российской империи.

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования удалось установить, что продолжение службы в качестве думского депутата не было распространено среди высшей провинциальной администрации. Более того, даже среди тех, кто избрал такую карьерную траекторию, практически отсутствуют примеры чисто чиновничьей бюрократической карьеры. Как правило, это были общественные деятели, до начала службы в провинциальной администрации занимавшие должности в земстве и дворянском самоуправлении. Для них было естественно продолжить свою общественную деятельность в Думе, а служба в структуре высшего провинциального управления являлась частным случаем, а не целью карьерной стратегии. Ранее у земцев и общественных деятелей не было выбора, кроме как интегрироваться в бюрократию, если они хотели построить успешную карьеру. Дума, являясь сословно-представительным учреждением, позволяла в рамках общественной деятельности построить политическую карьеру, избежав необходимости интеграции в бюрократическую структуру.

Низкая степень вовлечения бюрократии в думский процесс в карьерном отношении может объясняться, в зависимости от конкретного случая, во-первых, негативным отношением к думским политикам, распространяемым и на сам тип подобной карьеры; во-вторых, общим скандальным информационным фоном Думы, связанным с рисками для бюрократической карьеры (наиболее яркими проявлениями этого могут служить Выборгское воззвание и его последствия для подписавших его депутатов); в-третьих, необходимостью предшествующей общественной деятельности для успешного избрания, таким карьерным опытом обладали не все провинциальные администраторы. Тем не менее в ряде случаев происходил и успешный переход из бюрократов в политические деятели.

Провинциальная администрация была связана с правым спектром партий, в наибольшей степени с националистами и правыми, и «Союзом 17 октября». Это говорило об общей направленности политических взглядов «стольпинской администрации» и проводимой П. А. Столыпиным политики, так как именно в опоре на эти политические силы он проводил свои реформы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 202, 308 ; Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 190, 257, 448, 495 ; Оп. 9. Д. 48, 293, 340, 416, 445, 446, 469, 470, 568, 569, 573, 819, 820, 848, 872, 873, 874 ; Ф. 1284. Оп. 47. 1906 г. Д. 153 ; Оп. 47. 1910 г. Д. 177 ; Оп. 73 1906 г. Д. 77 ; Оп. 73 1911 г. Д. 142 ; Ф. 1405. Оп. 528. Д. 220.
2. ЧГД Второй созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Второй созыв, 1907—1912 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. — 519 с.
3. ЧГД Третий созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Третий созыв, 1907—1912 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. — 456 с.
4. ЧГД Четвертый созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Четвертый созыв, 1912—1917 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. — 454 с.

Литература

1. Белоусова О. В. Родственные отношения внутри элиты Российской империи — недооценённый фактор или ложный след? / О. В. Белоусова // *Российская история*. — 2022. — № 4. — С. 140—145. — DOI: 10.31857/S0869568722040148.
2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого : правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 810 с. — ISBN 5-86793-109-9.
3. Егоров А. Н. Образ представителей кадетской партии в кругах российской административной элиты начала XX века / А. Н. Егоров // *Вестник Пермского университета. История*. — 2020. — № 2 (49). — С. 110—121.
4. Зиновьев Л. А. В огне трех революций : Воспоминания / Л. А. Зиновьев. — Москва : Русский путь, 2017. — 312 с. — ISBN 978-5-85887-483-6.
5. Иванов А. А. Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) / А. А. Иванов // *Научный диалог*. — 2021. — № 1. — С. 286—305.
6. Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты : дефиниции русского правого лагеря начала XX века / А. А. Иванов // *Новейшая история России*. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 884—905. — DOI: 10.21638/spbu24.2022.405.
7. Корниенко С. И. Депутатский корпус Государственной Думы позднеимперской России в профессиональном измерении / С. И. Корниенко, И. К. Кирьянов // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. — 2014. — № 41. — С. 145—156.
8. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917) / С. В. Куликов. — Рязань : НРИИД, 2004. — 472 с.
9. Курлов П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. — Москва : Современник, 1991. — 255 с.
10. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. — Париж : YMCA-Press, 1984. — 753 с.

11. *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV-й Государственной Думы / А. А. Ознобишин. — Париж : Склад и изд-во Е. Сияльской, 1927. — 263 с.
12. *Осоргин М. М.* Воспоминания или что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861—1920 / М. М. Осоргин. — Москва : Рос. фонд культуры, 2009. — 1000 с.
13. *Раскин Д. И.* Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века : образование и профессиональная квалификация / Д. И. Раскин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 410—422. — DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156>.
14. *Соловьев К. А.* Земцы и высшая бюрократия в начале XX века : «мы» и «они» / К. А. Соловьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2015. — Т. 14. — Выпуск 1 : История. — С. 106—118.
15. *Соловьев К. А.* Политик рубежа столетий : в поисках самоидентификации / К. А. Соловьев // Российская история. — 2020. — № 2. — С. 25—30.
16. *Соловьев К. А.* Представительные учреждения в годы столыпинских реформ / К. А. Соловьев // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. — 2012. — № 6. — С. 47—65.
17. *Шелохаев В. В.* Столыпинский тип модернизации России / В. В. Шелохаев // Российская история. — 2012. — № 2. — С. 18—36.
18. *Gokmen G.* Career incentives in political hierarchy : evidence from Imperial Russia / G. Gokmen, D. Kofanov // European Review of Economic History. — 2020. — Vol. 24. — Issue 2. — Pp. 264—287.
19. *Robbins R.* The Tsar's Viceroys : Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire / R. Robbins. — Ithaca — London : Cornell University Press, 1987. — 271 p. — ISBN 0-8014-2046-6.

Статья поступила в редакцию 31.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

Material resources

- ChGD Fourth convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): Fourth convocation, 1912—1917.* (1913). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 454 p. (In Russ.).
- ChGD Second convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): Second convocation, 1907—1912.* (1907). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 519 p. (In Russ.).
- ChGD The Third convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): The Third convocation, 1907—1912.* (1913). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 456 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive.* (In Russ.).

References

- Belousova, O. V. (2022). Family relations within the elite of the Russian Empire — an underestimated factor or a false trail? *Russian history*, 4: 140—145. DOI: 10.31857/S0869568722040148. (In Russ.).
- Egorov, A. N. (2020). The image of representatives of the Cadet party in the circles of the Russian administrative elite of the early XX century. *Bulletin of the Perm University. History*, 2 (49): 110—121. (In Russ.).

- Gokmen, G., Kofanov, D. (2020). Career incentives in political hierarchy: evidence from Imperial Russia. *European Review of Economic History*, 24 (2): 264—287.
- Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past: the government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary*. Moscow: New Literary Review. 810 p. ISBN 5-86793-109-9. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2021). Orthodox Clergy and Right-Wing Political Movements in Russia at the Beginning of XX Century: Church Press. *Nauchnyi dialog*, 1: 286—305. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-286-305>. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2022). Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, fascists: definitions of the Russian right camp of the beginning of the XX century. *Modern history of Russia*, 12 (4): 884—905. DOI: 10.21638/spbu24.2022.405. (In Russ.).
- Kornienko, S. I., Kiryanov, I. K. (2014). Deputy corps of the State Duma of late Imperial Russia in a professional dimension. *Newsletter of the Association History and Computer*, 41: 145—156. (In Russ.).
- Kulikov, C. B. (1991). *The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914—1917)*. Ryazan: NRIID. 472 p. (In Russ.).
- Kurlov, P. G. (1991). *The Death of Imperial Russia*. Moscow: Sovremennik. 255 p. (In Russ.).
- Obolensky, V. A. (1984). *My life. My contemporaries*. Paris: YMCA-Press. 753 p. (In Russ.).
- Osorgin, M. M. (2009). *Memories or what I heard, what I saw and what I did throughout my life, 1861—1920*. Moscow: Russian Cultural Foundation. 1000 p. (In Russ.).
- Oznobishin, A. A. (1927). *Memoirs of a member of the ivth State Duma*. Paris: Warehouse and publishing house of E. Siyalskaya. 263 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2021). Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19th — Early 20th Centuries: Education and Professional Qualifications. *Nauchnyi dialog*, 4: 410—422. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-410-422> (In Russ.).
- Robbins, R. (1987). *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca — London: Cornell University Press. 271 p. ISBN 0-8014-2046-6.
- Shelokhaev, V. V. (2012). Stolypin type of modernization of Russia. *Russian history*, 2: 18—36. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2012). Representative institutions in the years of Stolypin reforms. *Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science*, 6: 47—65. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2020). The politician of the turn of the century: in search of self-identification. *Russian History*, 2: 25—30. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2015). Zemtsy and the higher bureaucracy at the beginning of the XX century: “we” and “they”. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 14 (1): History. 106—118. (In Russ.).
- Zinoviev, L. A. (2017). *In the fire of three revolutions: Memoirs*. Moscow: Russian Way. 312 p. ISBN 978-5-85887-483-6. (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*